

Сергей Михайлович Соловьев

**История России с древнейших
времен. Том 7**

История России с древнейших времен

Сергей Соловьев

**История России с
древнейших времен. Том 7**

«Public Domain»

1851-1879

Соловьев С. М.

История России с древнейших времен. Том 7 / С. М. Соловьев — «Public Domain», 1851-1879 — (История России с древнейших времен)

Седьмой и восьмой тома сочинений С. М. Соловьева «Истории России с древнейших времен» освещает события от начала царствования Федора Иоанновича и до освобождения Москвы от иностранных интервентов и возведения на престол Михаила Романова.

© Соловьев С. М., 1851-1879

© Public Domain, 1851-1879

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Сергей Соловьев

История России с древнейших времен. Том 7. Царствование Федора Иоанновича 1584–1598 гг

ГЛАВА ПЕРВАЯ ВНУТРЕННЕЕ СОСТОЯНИЕ РУССКОГО ОБЩЕСТВА ВО ВРЕМЕНА ИОАННА IV

Титул царский. – Обычаи нового царского двора. – Состав двора. – Знатнейшие фамилии. – Княжеские отчины. – Уменьшительные имена. – Местничество. – Кормление и служба. – Стрельцы, пушкарки, иноземцы. – Продовольствие войска. – Посоха. – Станичная и сторожевая служба. – Шляхта в Западной России. – Козаки. – Финансы. – Областное управление. – Города. – Села. – Холопы. – Иногородцы. – Промышленность. – Торговля. – Физические бедствия. – Города в Западной России, крестьяне, промышленность, торговля. – Церковь в Восточной и Западной России. – Новый судебник в Восточной России. – Новый статут в Западной. – Народное право. – Нравы и обычаи в Восточной и Западной России. – Литература. – Книгопечатание.

Если, по словам Герберштейна, еще великий князь Василий Иоаннович кончил то, что начато было отцом его, и властью своею над подданными превосходил всех монархов в целом свете, то сын Василиев вследствие изложенных выше обстоятельств сознал вполне свое значение, сознал свое отличие от тех государей, которые выбраны многомятежною волею народною или к которым земля приписывается. Это сознание Иоанна высказалось прежде всего в принятии титула царя и самодержца, во введении его в постоянное употребление как внутри, так и вне, в старании оправдать это принятие, утвердить его на исторических основах средствами, какие употреблялись в то время. Для придания титулу большей торжественности Иоанн в начале его стал употреблять так называемое богословие: «Троице пресущественная и пребожественная и преблагая праве верующим в тя истинным хрестьяном, дателю премудрости, преневедомый и пресветлий крайний верх! Направи нас на истину твою и настави нас на повеления твоя, да возглаголем о людех твоих по воле твоей. Сего убо бога нашего, в троице славимого, милостию и хотением удръжахом скипетр Российского царствия мы, великий государь, царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси самодержец, владимерский, московский, новгородский, царь казанский, царь астраханский, государь псковский и великий князь смоленский, тверский, югорский, пермьский, вятцкий, болгарский и иных, государь и великий князь Новгорода Низовские земли, черниговский, резанский, полотцкий, ростовский, ярославский, белоозерский, удорский, обдорский, кондинский, и всея Сибирские земли и Северные страны повелитель, и государь отчинный земли Лифляндские и иных многих земель государь». Иоанну нравились пышные выражения грамот, которые присылались ему восточными владетелями, и некоторые из этих выражений мы встречаем в его грамотах.

Что касается до обычаев нового царского двора, то обряды царской свадьбы при Иоанне ничем не отличаются от обряда, который мы видели при свадьбе отца Иоаннова; замечательно, что на третьей и на последней свадьбе царя на большом месте, или вместо отца (посаженым отцом), был у Иоанна меньшей сын, царевич Феодор, а не старший, Иоанн, который был тысяц-

ким: по всем вероятностям, причина заключалась в семейных отношениях царевича Иоанна; во время третьей свадьбы отцовской он был сам женихом, в последнюю свадьбу уже не был мужем первой жены, а мы видели, что при обручении великой княжны Елены старший посол литовский не мог занимать место жениха, потому что был женат на другой жене. В 1573 году была в Новгороде свадьба нареченного ливонского короля Магнуса, который женился на племяннице царской, дочери князя Владимира Андреевича, Марии; жених был протестант, и потому при описании этой свадьбы читаем: «Венчаться королю на Пробойной улице, на Славнове, у Дмитрия святого, а с королем ехать римскому попу; а княжну обручать и венчать дмитровскому попу; приехав к венчанью, княжне идти в церковь, а королю стать на паперти, и венчать короля по его закону, а княжну по христианскому закону».

Совершеннолетие сына и наследника Иоанна в случае своей смерти царь назначил в двадцать лет. Восприемниками при крещении младенцев царского дома по-прежнему были духовные лица: так, восприемником царевича Иоанна был митрополит Макарий; крещение происходило в Чудове монастыре у мощей св. Алексия; крещение царевны Анны происходило в Новодевичьем монастыре: и как родилась царевна, Иоанн приехал в Новодевичий монастырь и обложил храм св. Иоакима и Анны, тут слушал всенощную и заутреню, утром церковь освещал и дочь свою крестил; восприемниками были два старца: Адриан из Андросовой пустыни и Геннадий из Сарайской; о крестных матерях не говорится. Когда у князя Владимира Андреевича родилась дочь, то на его радости на другой день были у него царь, царевич Иван, царь Александр казанский и многие бояре и кушали овощи. По случаю рождения царевича Иоанна прощены были судные пошлины; царь писал дьякам: «Как сын наш, царевич Иван, родился, и которые дела засужены и кончены до его нарожденья, а пошлины еще не взяты, с тех дел пошлин не брать». В описании приема польских послов во время малолетства Иоанна IV читаем: стояли у великого князя для бережения: на правой стороне – боярин князь Василий Васильевич Шуйский, а на левой – боярин и конюший князь Иван Федорович Оболенский-Овчина, да у князя Василья стояли Иван Иванович Андреевича Челяднин, ходил у великого князя *в дяди место*. Для сироты, лишившегося отца, место последнего, естественно, занимал дядя, наблюдавший за его воспитанием и поведением, особенно в тех случаях, где мать, как женщина, не могла присутствовать. Отсюда и теперь употребительное у нас слово дядька – в смысле человека, приставленного смотреть за ребенком. Поездки царские имели тройную цель: осмотр мест (объезд); так, в 1566 году ездил Иоанн в объезд в Козельск, Белев, Волхов и другие украинские места, боярам же, дворянам и детям боярским приказал с собою ехать со всем служебным порядком; вторая цель поездок было *богомолье*; третья – *забава*, или, как тогда выражались, *прохлада*. После стола царского бывали *пиры*; в чем они состояли, видно из того, что они бывали после стола. Траур по особам царского дома, кроме печальной одежды, состоял еще в отращивании волос, что называлось *быть в волосах*.

В описи домашнему имуществу царя Иоанна находим перечисление образов разных *нарядов*; число этих нарядов простирается до 55, потом перечисляются государевы комнатные образа, кресты и иконы, которые государь носит на себе. Из платья перечисляются: кушаки, фережи, терлики, армяки, кафтаны, кафтанцы, шапки, чуги, опояски, наурузы, опашни, однорядки, тегиляи, епанчи, тафьи, шубы, колпаки, зипуны; упоминаются чулки сафьянные, шитые золотом, серебром, шелками, башмаки, чоботы, цепи, ожерелья; перечисляются сосуды золотые и серебряные разных названий: кувшины, бочки, енды, достаканы, мушермы, рукомоиники, братины, чарки, ковши, мисы, ложки, кубки, корцы, корчики, лохани, рога буйволовые, стопы; ножи булатные, клепики муромские; упоминаются часы медные, золоченые книжкой и только.

Мы видели, как Иоанн при учреждении опричнины определил свои отношения к Думе боярской; видели, каким образом созван был собор по поводу войны литовской. Название князей по-прежнему встречаем еще выше названия бояр. В духовной Иоанна говорится еще о кня-

зях служилых в Московской и Тверской земле. Но на собор 1566 года явились: бояре, окольниковичие, казначеи, печатник, чиновник, присутствующий у бояр в суде, думные дьяки, дворяне первой статьи, дворяне и дети боярские другой статьи. Здесь как не видим князей в отдельности и выше бояр, окольниковичих и дворян, так не видим и детей боярских в отдельности и выше дворян; ясный знак, что вследствие возвышения значения великого князя, теперь царя, возвышается значение службы к нему близкой, службы при дворе его, и перед этим значением никнет значение происхождения, значение князя и сына боярского; последнее название меняется своим местом с названием дворянина и означает уже низший разряд служилых людей. Но любопытно, что если сверху старались возвысить значение дворовой службы над значением происхождения, то внизу удерживались еще прежние понятия, вследствие чего видим в актах сопоставление старых и новых понятий, что при тогдашней неопределенности легко допускалось. Так, в начале приведенного соборного акта 1566 года встречаем только названия бояр, окольниковичих, казначеев, печатника, чиновника при боярском суде, думных дьяков, дворян первой и второй статьи; но в конце акта, пред прикладыванием рук, читаем: «Мы, государя своего царя и великого князя бояре и окольниковичие, и приказные люди, и дьяки на сей грамоте государю своему крест целовали и руки свои приложили. А мы, *княжата и дети боярские и дворяне*, на сей грамоте, на своих речах, государю своему крест целовали». Если по означенным причинам возвысилось значение дворянина, то еще более по тем же причинам возвысилось значение слуги, ибо это название с описываемого времени является самым почетным: в 1554 году его носил князь Михаил Иванович Воротынский.

Значение окольниковичего все более и более уясняется. В чине царского венчания говорится: «За великим князем идут его братья и дети, за ними – бояре и прочие вельможи и княжата, и дети боярские, и все благородные юноши; и никто же тогда дерзнет переходить царского пути, но все со страхом предстанут каждый на своем месте: потому что по обеим странам великого князя идут тогда окольниковичие и прочие чиновники со всяким вниманием и украшением, каждый по своему чину... Поют молебен. Тогда же великого князя окольниковичие и прочие чиновники ходят по всей церкви и устанавливают народ, чтоб стоял со всяким молчанием и кротостию и целомудрым вниманием». Мы видели, что еще в правление Елены, кроме бояр, окольниковичих и дворецких, жили (присутствовали) в Думе и некоторые дети боярские. В самостоятельное правление Иоанна видим дворян, которые называются *большими* и вместе с боярами присутствуют при важных делах, когда другие дворяне быть не могут; так, при описании приема литовского посланника Быковского читаем: «Царь велел дворянам из шатра повыступить, а оставил у себя бояр и дьяков *избных* и дворян больших, которым быть пригоже, и велел литовскому посланнику речь говорить». Потом встречаются дворяне, которые «живут у государя с боярами»; далее встречаем названия: «бояре ближней Думы» и «дворяне ближней Думы»; наконец является и название *думных* дворян; при описании приема литовских послов, приезжавших от Батория для подтверждения Запольского перемирия, читаем: «От государя сидели бояре в большой лавке и окольниковичие, и дворяне думные, и казначеи, и дворяне сверстные; а на окольниковичем месте сидел окольниковичий Степан Васильевич Годунов и дворяне большие, и князья Черкасские и Тюменские». Мы видели также дворян первой и второй статьи при описании собора 1566 года. Встречаем названия: боярин и дворецкий, боярин и оружейничий, кравчий, путный ключник, печатник, дьяк дворцовый, дьяк избный, дьяк введенный. Как возвысилось значение дьяка, можно видеть из того, что один из них, известный Ржевский, называется наместником черниговским. Встречаем название *именитых людей*: так, при описании новгородского разгрома летописец говорит: «Иные дети боярские в городе гостей и приказных людей государевых, *именитых* и торговых людей перехватили». Встречаем название *именной* человек вместо знатный.

Что касается до порядка мест, занимаемых боярами в Думе, то о нем прежде всего можно получить сведения из сношений литовских панов разных с боярами: но этими сведениями

нужно пользоваться, однако, с большою осторожностью, ибо паны при отправлении своих послов и грамот сообразовались иногда не с порядком мест, но с особенным значением, особенно приближенностию бояр к государю. В 1552 году литовские паны присылали посла к князю Ивану Михайловичу Шуйскому и боярину и дворецкому Даниле Романовичу Юрьеву, в 1555 – к князю Ивану Михайловичу Шуйскому. В переписке о мире гетмана Ходкевича с московским воеводою в Ливонии, Иваном Петровичем Федоровичем (Челядниным), наивысшею радюю московскою называются: боярин и воевода наивысший, наместник владимирский, князь Иван Дмитриевич Бельский; боярин и наместник Великого Новгорода, князь Иван Федорович Мстиславский; боярин и наместник казанский, князь Василий Михайлович Глинский; боярин и наместник тверской, Данило Романович Юрьевича-Захарьина. Между боярами, участвовавшими в соборном совещании 1566 года, не встречаем уже имен князя Василия Глинского и Данилы Романовича: здесь за Бельским и Мстиславским следует Иван Петрович Яковля (Челяднин), потом князь Иван Иванович Пронский, Иван Большой и Иван Меньшой Васильевичи Шереметевы, князь Василий Семенович Серебряного, Никита Романович Юрьев, князь Михайла Иванович Воротынский, Иван Михайлович Воронцов, Михайла Яковлевич Морозов, Василий Михайлович Юрьев, Иван Яковлевич Чоботов, Василий Дмитриевич Данилов, Василий Юрьевич Малый, Семен Васильевич Яковля. Здесь видим представителей старинных московских боярских родов: двоих членов рода Акинфова – Ивана Петровича Челяднина и Ивана Яковлевича Чоботова; четырех членов рода Кошкиных – Никиту Романовича и Василья Михайловича Юрьевых, Ивана Большого и Ивана Меньшого Шереметевых (происходивших от Федора Кошки чрез Константина Александровича Беззубцева); одного Воронцова, одного Морозова; Даниловы вели свой род от князей смоленских, служивших у немцев и потом выехавших к Ивану Калите; что же касается до боярина Малого, то это – потомок известных Траханиотовых, выезжих греков. Шуйских не встречаем в это время между боярами: князь Иван Михайлович умер, князь Петр Иванович погиб в битве с литовцами в 1564 году; а другие члены этой фамилии были еще молоды, и потому встречаем их между дворянами первой статьи, именно князей Ивана Андреевича, знаменитого впоследствии Ивана Петровича и Василия Федоровича. Между этими дворянами первой статьи 61 член не княжеских фамилий и 33 княжеских; из дворян второй статьи 89 членов не княжеских фамилий и только 11 княжеских. Предка знаменитых впоследствии князей Стародубских-Пожарских, князя Ивана Васильевича, встречаем в описываемое время, именно в 1547 году, наместником переяславским.

Из знатных фамилий особенным расположением царя пользовались три: князья Мстиславские, князья Глинские и Романовы-Захарьины-Юрьевы – все три находившиеся в родстве с царским домом; в духовной Иоанна насчет их читаем: «Чем отец наш князь великий Василий пожаловал князя Федора Мстиславского, и что я придал сыну его, князю Ивану, и сын мой Иван в ту его вотчину и у его детей не вступается. А что я пожаловал князя Михаила князя Васильева сына Львовича Глинского вотчиною, и сын мой Иван у него и у его детей не вступается ничем. А что я пожаловал Романову жену Юрьевича и ее сына Никиту волостями и селами, и сын мой Иван в ту вотчину у них и у детей их не вступается». Князья Мстиславские и Глинские были приезжие из Литвы недавно и в средствах содержания зависели от милостей государя; иного рода распоряжения видим относительно русских князей Рюриковичей, которые, и поступивши в служилые князья, сохраняли еще богатые отчины. У князя Воротынского взята была его старая вотчина, город Одоев с двумя другими городами, и взамен дана вотчина на севере, город Стародуб Рязановский, муромская волость Мошок, нижегородское село Княгинино и на Волге Фокино селище. В духовной же Иоанна находим указания на отнятие отчин у потомков Стародубских князей – князей Гундоровых, Пожарских, Тулуповых, Ромодановских, Ковровых, Кривоезерских, Нагаевых, Стародубских (собственно), Палецких; далее в духовной читаем: «Которые вотчины я взял у князей ярославских, те вотчины сыну моему Феодору». Для скорейшего перехода княжеских вотчин в казну в дополнительных указа-

зах к Судебнику сделаны следующие распоряжения: «Которые вотчины за князьями ярославскими, стародубскими, ростовскими, суздальскими, тверскими, Оболенскими, белозерскими, воротынскими, мосальскими, Трубецкими, одоевскими и за другими служилыми князьями вотчины старинные: тем князьям вотчин своих не продавать, не менять, за дочерьми и сестрами в приданое не давать; а которого князя бездетна не станет, и те вотчины брать на государя. А который князь напишет в своей духовной грамоте вотчину своей дочери или родной сестре и душу свою напишет с той вотчины строить (поминать), тех вотчин дочерям и сестрам в приданое не давать, давать приданое и душу поминать из животов (движимого имения); а у которого князя не будет столько животов, чтоб можно было за дочерью или сестрою в приданое дать и душу поминать, то государь, рассудя по вотчине, велит дать из своей казны, а вотчины велит государь взять на себя. А который князь вотчину свою напишет брату родному, или двоюродному, или племяннику, родного брата сыну, или какому-нибудь ближнему роду (родственнику), кроме тех степеней, в которых можно между собою жениться: и государь, того посматривая, по вотчине, и по духовной, и по службе, кому какую вотчину напишет, велит указ учинить. А которого князя не стало бездетна и останется у него жена, и откажет ей муж в духовной что-нибудь из вотчины, то жить ей на этой вотчине до смерти; а как ее не станет, то вотчина на царя, а душу ее велит государь из своей казны устроить. А который князь напишет жене в духовной всю свою вотчину, а вотчина будет велика, то государь о той вотчине указ учинит». Вследствие этого распоряжения встречаем грамоты с любопытными выражениями, например: «Я, царь и великий князь, пожаловал князя Бориса Дмитриевича Палецкого, отца его и братьев вотчиною, по брата его, князя Андрея духовной грамоте. Жить князю Борису в тех селах и владеть ему ими до смерти, а умрет или пострижется, то по нем дать за те села в монастыри, по нашему уложению, деньги, а те села взять на меня, царя и великого князя». До нас дошла любопытная докладная грамота государю о покупке боярином Шереметевым вотчины: в грамоте покупатель говорит, что он покупает «по жалованной царской грамоте».

Мы видели, как изменение отношений членов дружины к великому князю московскому отразилось на именах служилых людей в отписках их к государю: при Иоанне III знатные люди подписываются обыкновенными именами: Иван и Василий; менее знатные употребляют уменьшительные: Иванец, Васюк; при Василии встречаем форму уменьшительную, уничижительную для людей незначительных, например Илейка; при Иоанне IV и люди знатные начинают употреблять эту последнюю форму: например, князь Александр Стригин подписывается: «холоп твой Олешка Стригин»; потом встречаем: «Федко Умный-Колычев» и т. д., а самые знатные, как, например, боярин Челяднин, употребляют форму на ец или юк.

Но, преклоняясь все более и более пред значением единого властителя и самодержца, члены дружины, теперь принявшие название людей служилых, ревниво берегли родовую честь при служебных столкновениях друг с другом: число местнических случаев увеличивается все более и более. Это умножение местнических случаев мы не можем приписать только тому, что от описываемого времени дошло до нас большое количество более полных известий о них; мы имеем полное право принять, что были причины, действительно увеличивавшие местнические случаи в описываемое время. Во время усиления Московского княжества за счет других княжеств Северо-Восточной России дружина князей московских наполнялась пришельцами, которые получали место по назначению великого князя, их принимавшего; если это место не казалось им достаточно почетным, то они отъезжали в другие княжества; если оставались, то начинали новую службу, независимую от прежних преданий; притом число их было невелико; число походов, в которых бы сталкивались многие из них, было также не велико; служебные отношения предков были так недавни, так на памяти всех, что трудно было им при самом назначении подавать повод к столкновениям, а если и случались они, то решались легко. Начали приезжать князья, заняли первые места, но какие могли быть местнические столкновения между ними? Их служба была слишком нова. Но чем старше становилась служба княжеских

и служилых родов, чем большее число поколений прошло в этой службе, чем многочисленнее становился двор государей московских и чем обширнее делались военные предприятия и блистательнее придворные торжества, тем чаще должны были встречаться местнические случаи, тем запутаннее должны были они становиться. Понятно, что по мере увеличения местнических случаев, столь вредного для службы, правительство должно было предпринимать меры для их ограничения, должно было стараться уменьшать в службе число столкновений, объявляя, что такие-то места не находятся ни в каком отношении друг к другу, ни в равном, ни в подчиненном; с другой стороны, должно было стараться определить и некоторые родовые отношения: вот почему с большою осторожностью надобно объяснить древние княжеские родовые отношения позднейшими определениями старшинства родовых ступеней, встречаемыми в местнических случаях и составившимися явно уже по воле правительства, по его уложению.

В 1550 году царь Иоанн приговорил с митрополитом, с родным братом, князем Юрием Васильевичем, двоюродным Владимиром Андреевичем и с боярами и в наряд служебный велел написать, где быть на его службе боярам и воеводам по полкам. В большом полку быть большому воеводе; этот первый воевода большого полка считается выше первых воевод передового полка, правой и левой руки и сторожевого полка; а кто будет второй воевода в большом полку, до него правой руки большому воеводе дела и счету нет, быть им без мест. Первые воеводы передового и сторожевого полка не меньше воевод правой руки; левой руки воеводы не меньше воевод передового полка; левой руки воеводы меньше первого воеводы правой руки, а второй воевода левой руки меньше второго же воеводы правой руки. Князьям и дворянам большим и детям боярским на царской службе с боярами и воеводами или с легкими воеводами для царского дела быть без мест; и в наряд служебный царь велел записать, что если боярским детям и дворянам большим случится на царской службе быть с воеводами не по их отечеству, то отечеству их тут поруки никакой нет. «А которые дворяне большие ныне будут с меньшими воеводами где-нибудь на царской службе не по своему отечеству, а вперед из них кому-нибудь случится самим быть в воеводах с теми ж воеводами вместе или случится где быть на посылке, то с теми воеводами, с которыми они бывали, тогда счет им дать и быть им тогда в воеводах по своему отечеству; а прежде того, хотя и бывали с которыми воеводами меньшими на службе; и тем дворянам с теми воеводами в счете в своем отечестве поруки нет, по государеву приговору». Таким образом, во-первых, ограничено число случаев, в которых воеводы разных полков могли местничаться; во-вторых, уничтожено право молодых служилых людей знатного происхождения местничаться с воеводами менее знатного происхождения; право местничаться они получали только тогда, когда сами становились воеводами, и тут прежняя их подчиненная служба не имела никакого влияния.

Опричнина не исключала местничества, хотя иногда нарушала известные отношения, ибо после встречаем выражения: «То делалось в опричнине: хотя такой разряд и был, но то была государева воля в опричнине». Воеводы местничались не только при назначении в полки, но и в города, ибо один город был честнее других; так, в разряде 1570 года читаем: «А которым воеводам в котором городе быть не вместно, и тем воеводам быть для государева дела без мест», то есть настоящий случай не будет иметь влияния на последующие столкновения. Из местнических случаев Иоаннова времени уже открывается ясно, как родовые отношения, счета по родовой лестнице определяли равенство или неравенство лиц по службе; так, в грамоте князю Федору Троекурову 1573 года читаем: «Дядя твой князь Иван равен князю Константину Курлятеву, а ты потому равен третьему сыну князя Константина Курлятева». Но мы уже заметили, что для избежания различных взглядов, различных толкований при родовых счетах, взглядов и толкований, вынесенных из разных мест, разных княжеств древней Руси, московское правительство должно было приводить их к единству своим приговором, своим уложением; так, в грамоте по делу Шереметева с князьями Курлятевым и Хованским царь пишет: «По нашему счету, князь Александр Кашин князю Константину Курлятеву сед-

мой дядя; а по нашему *уложению*, первого брата сын четвертому дяде в версту». Доказывать, основываясь на родовом единстве, что старший или равный в роде одного соперника был в известном служебном случае ниже равных или младших в роде другого соперника, называлось утягиванием. Легко понять, как страшно было это утягивание, легко понять, как смотрели в роде на человека, которым можно было утягивать, как, следовательно, важно было для каждого служилого человека не признать своего меньшинства пред членом другого рода, ибо это признание, принятие низшего места, повлечет за собою понижение всех равных и младших в его собственном роде перед членами известного другого рода. Если было сыскиваемо, что двое служилых людей, назначенные на одну службу, один в больших, а другой в меньших, были равны друг другу по родовым отношениям, по лестнице и по службе, по разряду, то их *разводили или отставляли*, и эта отставка или развод служили и на будущее время доказательством их равенства, невозможности быть вместе. Пример вредных следствий местничества и мер, какие правительство должно было принимать при непослушании воевод, представляют известия разрядных книг под 1579 годом во время Ливонского похода: воеводы писали, что им быть не вместно; из Москвы им дан был ответ, чтоб были по росписи; но воеводы опять *замшились* и к Кеси не пошли; тогда царь, кручинясь, прислал к ним из Москвы посольского дьяка Андрея Щелкалова, а из слободы (Александровской) – дворянина Данила Салтыкова и велел им идти к Кеси и промышлять своим делом мимо воевод, а воеводам с ними.

Местничались воеводы по полкам, по городам; местничались головы у наряда (пушек); местничались царедворцы в придворных церемониях: в 1577 году государь велел стоять у своего стола с кравчим Борисом Годуновым князю Ивану Сицкому, и князь Иван сказал, что ему это не вместно, и бил челом на большого брата Борисова, а Борис Годунов бил челом на отца Иванова. Такие случаи бывали нередко: челобитчик, считая того, с кем местничался, бесспорно ниже себя многими местами, бил челом прямо на высшего родича своего противника, которого полагал последним к себе, т. е. только одним местом ниже себя. Иногда, наоборот, ответчик, считая унижительным для себя бить челом самому и уверенный в своей высоте пред противником, посылал вместо себя бить челом или отвечать младшего родича. Средством к прекращению местнических споров, кроме развода или отставки, было объявление службы без мест, или не вместною, т. е. не имеющею влияния на будущие случаи. Наказаниями за несправедливые челобитья были: выдача головою (выговор, присланный с царским гонцом, причем последний брал прогоны с виноватого), битье батогами пред Разрядною избою, заключение в тюрьму на известный срок, доправление бесчестья деньгами.

В летописи находим следующее известие о распоряжениях Иоанна относительно службы воинской: приговорил царь и великий князь с братьями и боярами о кормлениях и о службе всем людям, как им впредь служить. По сие время бояре, князья и дети боярские сидели по кормлениям по городам и по волостям для расправы людям и всякого устройства землям, себе же для покоя и прокормления; на которых городах и волостях были наместники и волостели, тем городам и волостям они расправу и устрой делали и от всякого лиха обращали их на благое, а сами были довольны своими оброками и пошлинами указными, что им государь уложил. И вошло в слух благочестивому государю царю, что многие города и волости пусты учинили наместники и волостели, презрев страх божий и государские уставы, и много злокозненных дел учинили, не были пастыри и учителя, но сделались гонителями, разорителями. Также этих городов и волостей мужики много коварства соделали и убийства их людям; и как съедут наместники и волостели с кормлений, и мужики многими исками отыскивают и много в том кровопролития и осквернения душам сделалось, и многие наместники и волостели и старого своего имени лишились. И повелел государь в городах и волостях определить старост, сотских, пятидесятских и десятских и старшим грозным запрещением заповедь положить, чтоб им судить разбой, воровство и всякие дела, отнюдь бы никакая вражда не именовалась, также ни мзда, ни лживое послушество, а кого между собою найдут лихого, таких велел казням пре-

давать; на города и волости велел положить оброки, по их промыслам и землям, и те оброки собирать к царским казнам своим дьякам; бояр же, вельмож и всех воинов устроил кормлением и праведными уроками, кто чего стоит, а городовых в четвертый год, иных же в третий год денежным жалованьем. Потом государь рассмотрел, что некоторые вельможи и всякие воины многими землями завладели, а службою оскудели, не против государева жалованья и вотчин служба их: и государь сделал им уравнение землемерию; дано каждому, чего достоин, а лишнее разделено неимущим. С вотчин и поместий установлено служить службу: со ста четвертей доброй и угожей земли человек на коне и в доспехе полном, а в дальний поход при двух конях. Кто послужит по земле, тех государь жалует своим жалованьем, кормлением, и на уложенных людей дает денежное жалованье; а кто землю держит, но службы с нее не служит, на тех на самих брать деньги за людей; а кто дает на службу людей лишних перед землею, тем от государя большое жалованье самим, а людям перед уложенными в полтретья давать деньгами. Все государь устроил, как бы служба государская была безо лжи и без греха, и подлинные тому разряды у государских чиновачальников, у приказных людей.

В 1550 году государь приговорил с боярами: раздать поместья в Московском уезде да в половине Дмитрова, в Рузе, Звенигороде, в Числяках, Ордынцах, в перевесных деревнях и Тетеревичах, и в оброчных деревнях, от Москвы верст за 60 и за 70, детям боярским, лучшим слугам, 1000 человек; а которым боярам и окольных быть готовыми на посылки, а поместий и вотчин в Московском уезде у них нет, таким боярам и окольных дать поместья в Московском уезде по 200 четвертей; детям боярским в первой статье дать поместья по 200 же четвертей, другой статьи детям боярским дать по 150 четвертей, третьей статьи – по 100 четвертей; сена давать им по столько ж копен, на сколько кому дано четвертной пашни, кроме крестьянского сена, а крестьянам давать сена на выть по 30 копен. Который из той тысячи вымрет, а сын его к службе не пригодится, то на его место прибрать другого. А за которыми боярами и детьми боярскими вотчины в Московском уезде или в другом городе близко от Москвы, верст за 50 или за 60, тем поместья не давать. Между лицами, назначенными к наделению, упоминаются: псковские помещики городовые, псковские помещики дворовые, торопецкие помещики дворовые, лучане дворяне, луцкие помещики городовые.

Служивые люди отставлялись от службы за старостью и болезнями; на их место назначались на службу их сыновья, внуки; если эти сыновья или внуки были еще малолетны, то давалась им отсрочка на известное число лет (как поспеет). Раненые освобождались от службы до излечения. Освобожденным от службы давалась *отставленная* грамота. Когда у служилого человека *поспевали* сыновья на службу, т. е. когда достигали пятнадцати лет, то они или *припускались* к отцу в поместье, или жаловались поместьем в отвод от отца. Когда служилый человек вследствие умножения семейства бил челом, что ему с прежнего поместья служить нельзя, то показания челобитной, по царскому указу, поверялись явчим списком, *писцовыми отдельными и приправочными* книгами и всякими посылными грамотами; название отдельных книг объясняется словами царского указа о прибавке помещику Сабурову двух обж к прежнему поместью: «Как Никитке к старому его поместью к десяти обжам две обжы отделить, и вы бы те две обжы и старое его поместье велели за ним написать в *отдельные* книги». Указы о прибавке или разделе поместья обыкновенно оканчивались словами, что распоряжение это должно иметь силу *До поместного верстанья*. По смерти служилого человека поместье его или разделялось всем сыновьям поровну, или некоторым из них давалось новое поместье; вдове и дочерям выделялась также часть поместья на прожиток; как скоро дочери или выходили замуж, или достигали пятнадцатилетнего возраста, или умирали, то их участки отписывались на государя и по распоряжению последнего могли отдаваться братьям; вдовы пользовались своим участком до смерти, пострижения или выхода замуж. Помещики могли полюбовно меняться своими участками под условием, чтоб эта мена была равна, чтоб обжи пашня пашне землею и всякими угожьями и доходом были равны и не пусты, а государевой службе и податям при этой

мене убытка не было бы. В Новгородской области сохранялось еще различие между *земцами* и выводными из низовых областей служилыми людьми: так, двое служилых людей били челом, что дьяки государевы сначала отделили было им в придачу из *земецких* поместий девять обж, но потом эти земецкие поместья у них были взяты и отданы назад *земцам*. Если помещик бил челом, что его поместье запустело и служить ему не с чего, то обыскивалось окольными жителями, на все стороны версты по три, четыре, пяти, шести и больше, игуменами, попами и диаконами по священству, а детьми боярскими и крестьянами по крестному целованию, от чего поместье запустело? От голоду, лихого поветрия, тягла или от самого помещика, или от иных от кого? И если в обыску скажут, что поместье запустело от помещика, от его небреженья, то челобитчик оставался при старом поместье; если скажут, что поместье запустело не от помещика, то оно отбиралось на царя, отдавалось в оброк или иа льготу, иа известное число лет, а челобитчику давалось другое поместье; иногда же помещик просил не о перемене поместья, но о льготе от податей, вследствие того что крестьяне вымерли от мора, а остальные разошлись от *меженины* (голода). В 1548 году путный ключник Дуров просил льготы не только для поместья, но и для вотчин своих, потому что одно сельцо сгорело, а другие деревни запустели от царских податей, от проезжих и ратных людей. Царь дал льготы на 4 года, в которые люди и крестьяне вотчин и поместья Дурова не платили дани, ямских и туковых денег, не давали посошных, не строили города, не давали наместнику, волостелю и тиуну корма, праветчиков и доводчиков побора, ни подымного, коня царского не кормили, сена не косили, прудов не прудили, к городу камня, извести и колья не возили, на яму с подводами не стояли, ямского двора не делали. При даче поместий наблюдалось, чтоб обжи выделялись сряду, а не в розни и не через землю. Поместья отписывались за неявку на службу; не явившиеся назывались *нетями*, *нетчиками*; списки, куда записывались их имена, назывались *нетными* списками. Опала с нетчиков складывалась, им опять давались поместья, старые или новые, по случаю разных торжеств, церковных и царских, например по случаю принесения чудотворного образа, по случаю рождения царевича. Сбор детей боярских на службу производился таким образом: назначенные из Москвы чиновники ехали в известную область, здесь у дьяков брали губных старост, городских прикащиков и рассыльщиков, сколько пригоже, и отправлялись за своим делом, имея в руках список всем детям боярским; которых из них встречали на дороге, тех отдавали на крепкие поруки с записями; собравши детей боярских по списку, всех сполна, за поруками, ехали с ними на государеву службу; остальных детей боярских укрывающихся, сыскивая, били кнутом и высылали на службу. А которые продолжали скрываться, у тех забирали детей и людей, да, где про них скажут, туда посылали и, сыскав, били кнутом, давали на поруку, а за поруками высылали на государеву службу. А идучи дорогою, берегли накрепко, чтоб дети боярские на дороге не отставали и насильства грабежу дорогою никому не делали, кормов людских и конских силою не отнимали. Кроме поместий, служилым людям давались осадные дворы белые в городах, на которые семейства их перебирались в случае опасности от неприятеля.

Кроме дворян и детей боярских, в описываемое время видим стрельцов; они находятся под ведением голов своих и называются: *приборы такого-то головы*. Под головами находились пятидесятники и десятники; точно так же и городовые козаки различались по прибору или сбору голов своих и вместе со стрельцами находились в ведении Стрелецкого приказа. Из служителей при наряде артиллерии упоминаются пушкари, находившиеся также в ведении голов своих; в 1555 г. царь писал к новгородским дьякам: «Как к вам пушкари приедут, то вы немедленно велите новгородским кузнецам сделать 600 ядер железных по кружалам, какие посланы с пушкарями, и велите кузнецам ядра делать круглые и гладкие и как им укажут пушкари. Дайте пушкарям десять холстов, триста листов бумаги доброй, большой, толстой, двадцать два пятака льну мягкого малого, восемь ужищ льняных, по двадцати сажень ужище, восемь коробок на ядра и на мешки, осьмеро возжей лычных, двадцать гривенок и свинцу, восемь овчин. За пушкарями смотреть накрепко, чтоб они у кузнецов посулов и поминок не брали». Когда наряд

отправлялся в поход, при нем были плотники и кузнецы с плотничьюею и с кузнечною снастью. В городах у наряду, пушек и пищалей находились пищальники неотступно, день и ночь, городские воротники, сторожа, кузнецы, плотники; со всех с них бралась присяга и давались они на поруки, что им из города никуда не отъезжать. Знаем, что пушкарей и пищальников *прибিরали в случае* надобности в городах, иногда даже из старых и отставных. Наконец, в составе русского войска упоминаются иноземные отряды – литовские.

Относительно продовольствия войска видим, что посылались хлебные запасы в занятые ливонские города; доставлять эти запасы было обязанностию посошных людей. Иногда хлебные запасы доставлялись в города по подряду; так, в 1582 году какой-то Тереха Ситников нанялся доставить из Нижнего в Астрахань хлебный запас 2500 четвертей муки и толокна. Подрядчику (запасчику) дана была грамота, по которой его пропускали везде беспошлинно и без задержек; если кто-нибудь на запасчика или на его людей попросит пристава, или козаки его, не желая идти у него на судах, станут на нем или на его людях чего искать или чем его клепать, то бояре, воеводы и дьяки не должны давать на него и на его людей пристава и суда; а кому будет до него или до его людей какое дело, то их судят в Москве бояре; также бояре, воеводы и дьяки не могли брать козаков Терехиных в стрельцы и козаки. Видим, что служилым татарам и козакам давалось на конский корм по две деньги на лошадь в день. При выступлении в поход татарского царевича Кайбулы к шведским границам велено было готовить по всей дороге людские и конские кормы: на всяком стану давали на 80 человек яловицу, полосмины круп, полбезмена соли, или на 10 человек по барану, круп и соли на деньгу; кожи с яловиц и овчины с баранов отдавались назад тем людям, у которых они взяты; конского корма на 10 лошадей давали по четвертке овса да по острамку сена. «Должно это припасти, сказано в указе, чтоб ратным людям без корму не быть, а крестьянству по дороге насилий и грабежа кормового не было». Царь не прощал воеводам, которые позволяли своим ратным людям буйствовать в Русской земле; так, при описании похода царя Шиг-Алея и князя Михайлы Глинского на литовцев читаем: «Тот князь Михайла с людьми своими, едучи дорогою, сильно грабил своих, и на рубеже люди его деревни Псковской земли грабили, скот секли, дворы жгли христианские; царь на него за это прогневался и велел обыскать, кого грабили дорогой, и на нем *иным* доправили те грабежи». Городовые козаки и стрельцы получали жалованья в год по полтине денег, кроме хлебного: пищальники, воротники, сторожа, кузнецы и плотники получали по рублю в год денег, по два пуда соли, по двенадцати коробей ржи и по столько же овса. Городовые козаки получали и земли: так, в 1571 году бояре приговорили относительно путивльских и рыльских козаков, что если они захотят, то набрать 1000 человек козаков конных или сколько пригоже, посмотря по землям, сколько где будет земля. Служить им посылки польские (степные) и сторожи с земли без денег, и если который послужит, тогда государь велит его пожаловать.

Ратные люди собирались с городов и сел таким образом: в 1545 году, например, государь велел нарядить с Новгорода и пригородов, с белых не тяглых дворов с трех дворов по человеку, да с тяглых с пяти дворов по человеку, всего нарядить 1973 человека на копях. Да с новгородских же посадов и с пригородов, с посадов, с рядов, погостов нарядить 2000 человек пищальников, половина на конях, а другая половина пеших. Пешие пищальники были бы в судах, а суда им готовить на свой счет; у конных людей также должны быть суда, в чем им корм и запас свой в Нижний Новгород провезти; у всех этих пищальников, у конных и пеших, должно быть по ручной пищали, а на пищаль по 12 гривенок безменных зелья, да по столько же свинцу на ядра; на всех людях должны быть однорядки или сермяги крашенные. В следующем же месяце прислана была в Новгород грамота, по которой уже требовалось собрать с белых дворов и с гостиных по человеку с двора, с суконничьих – по человеку с двух дворов, с черных – по-прежнему, с пяти дворов по человеку, да с 20 дворов по пуду зелья, со всех без исключений; но через месяц велено было с достаточных людей, живущих на черных дворах, взять с двора по человеку, кроме прежнего побора – по человеку с пяти дворов; освобождены

были от побора дворы архиепископских детей боярских, софийских священников, всех служилых людей архиепископских; с ружных священников велено было взять с 6 священников по человеку, да по две гривенки зелья, а не с ружных с 10 священников – человека, да по две гривенки зелья; дьяконы же, дьяки, пономари и просвирни помогают своим священникам до церковному доходу. Которые люди при этом объявили, что им зелья добыть нельзя, к тем посылались мастера ямчужные (селитряные) и пищальники указывать им, как варить зелье. Под 1535 годом псковский летописец говорит, что горожане его нарядили 500 пищальников, 3000 лошадей в телегах и человека на коне, 3000 четвертей овсяной заспы на толокно, 3000 полтей свинины, 3000 четвертей солоду, 360 четвертей гороху, столько же семени конопляного; на Москву послали 400 пищальников, а новгородцы много посохи послали для построения нового города Себежа. Иногда посошные люди разбежались во время похода, и тогда области, их поставившие, должны были нанимать новых; под 1561 годом летописец говорит: царские воеводы людей потеряли много, посохи, а другие разбежались, потому что нечего есть; от этого Пскову, пригородам и сельским людям проторей стало много в посохе: вместо разбежавшейся посохи нанимали других, с сохи по 22 человека, а на месяц давали человеку по три рубля, а иные и по три с полтиной с лошадьми и с телегами под наряд. Во время похода под Полоцк в войске Иоанновом было посохи пешей и коневой 80900 человек, давали посошанам во Пскове: коневникам – по 5 р., а пешим – по 2 рубля. Под 1570 годом псковский летописец говорит: пришел царь в Великий Новгород и много людей было побито; к тому же велел править посоху под наряд мосты мостить в Ливонскую землю, зелейную руду собирать: от этого налога и правежа все люди, новгородцы и псковичи, обнищали, давать стало нечего и пошли сами в посоху, и злою смертью там померли от голода и мороза от мостов и наряду; во Пскове байдаки и лодки большие посохой тянули под ливонские города и, не много потянув, покинули по лесам, тут лодки сгнили, а людей погубили.

Московское государство XVI века относительно юго-восточной границы своей находилось в таком же положении, как и древняя Приднепровская Русь времен св. Владимира: граничило с степью, из которой стремились кочевые хищники на его опустошение. Уже давно московские сторожи, сторожевые отряды или станицы, разъезжали по разным направлениям в степи и стояли в определенных местах, наблюдая за татарами, при Иоанне IV московские сторожи начали сталкиваться с литовскими на Днепре: мы видели, что царь старался показать Сигизмунду-Августу, как выгодно для последнего помогать московским сторожам, а не затевать споров о том, что они становятся на Литовской земле. Во второй половине царствования, обративши все внимание на запад, Иоанн тем более должен был хлопотать, чтоб южная граница была защищена, чтоб крымцы не могли явиться у Оки безвестно. С этою целию в январе 1571 года государь приказал боярину своему, князю Михайле Ивановичу Воротынскому, ведать станицы, сторожи и всякие свои государевы польские службы. Воротынский говорил государевым словом в разряде дьякам, что ему велел государь ведать и поустроить станицы и сторожи, и велел доискаться станичных прежних списков; в города: Путивль, Тулу, Рязань, Мещеру, в другие украинные города и в Северу велел послать грамоты по детей боярских, по письменных по станичных голов и по их товарищей станичников, и по станичных вожей, и по сторожей, которые ездят из Путивля, из Тулы, Рязани, Мещеры, из Северской страны в станицах на поле к разным урочищам, и которые прежде езжали лет за десять и пятнадцать, велел им всем быть в Москву. Когда они приехали, то государь приказал князю Воротынскому *сидеть* (заняться) о станицах, сторожах и всяких польских службах, станичных голов, станичников и вожей расспрашивать и, расспрося, расписать подлинно порознь: из которого города, по которым местам и до каких мест пригоже станицам ездить и в каких местах сторожам на сторожах стоять, и до каких мест на которую сторону от которой сторожи разъездам быть, и в которых местах на поле головам стоять для бережения от приходу воинских людей, и из которых городов и по сколько человек, с которым головою и каким людям на государевой службе быть? Чтоб госу-

дарю про приход воинских людей быть не безвестну, и воинские люди на государевы украинны безвестно не приходили.

После расспросов князь Воротынский приговорил с детьми боярскими, с станичными головами и станичниками о путивльских, тульских, рязанских и мещерских станицах, и о всех украинных дальних и ближних месячных сторожах и сторожах, из которого города к которому урочищу станичникам податнее и прибыльнее ездить и на которых сторожах и из которых городов и по скольку человек сторожей на которой стороже ставить. А станичникам бы к своим урочищам ездить и сторожам на сторожах стоять в тех местах, которые были бы усторожливы, где б им воинских людей можно было усмотреть. Стоять сторожам на сторожах, с коней не ссаживаясь попеременно, и ездить по урочищам попеременно же, направо и налево, по два человека по наказам, какие будут даны от воевод. Станов им не делать, огонь раскладывать не в одном месте, когда нужно будет кому пищу сварить, и тогда огня в одном месте не раскладывать дважды; в котором месте кто полдневал, там не ночевать; в лесах не останавливаться, останавливаться в таких местах, где было бы усторожливо. Если станичники или сторожа подстерегут воинских людей, то посылать своих товарищей с этими вестями в ближайшие украинские города; а сами позади неприятеля едут на сакмы (дороги), по сакмам и по станам людей смечать и, поездив по сакмам и сметив людей, с теми вестями в другой раз отсылают товарищей в те же города; новые посланные едут направо или налево, которыми дорогами поближе, чтоб в украинские города весть была раньше не перед самым приходом неприятеля; а самим им ехать за неприятелем сакмою, а где и не сакмою, как пригоже, покинув сакму направо или налево, ездить бережно и усторожливо, и того беречь накрепко: на которые украинны воинские люди пойдут и им, про то разведавши верно, самим с вестями подлинными спешить к тем городам, на которые неприятель пойдет. Если станичники завидят воинских людей на дальних урочищах, то им посылать посылки по три или по четыре или сколько будет пригоже, посмотря по людям и по делу, от которых мест пригоже, а не от одного места, чтоб, проведав подлинно про неприятеля, на какие места он идет, самим с подлинными вестями спешить наскоро в те города, на которые пойдет неприятель. А не быв на сакме и не сметив людей и не доведавшись допряма, на которые места воинские люди пойдут, станичникам и сторожам с важными вестями не ездить, и сторожам, не дождавшись на сторожах себе перемены, с сторож не съезжать. А которые сторожа, не дождавшись смены, с сторожи сойдут, и в то время государевым украиннам от воинских людей учинится война: тем сторожам от государя быть казненным смертью. Которые сторожа на сторожах лишние дни за сроком перестоят, а их товарищи на смену в те дни к ним не приедут, то брать первым на последних по полуполтине на человека на день. Если воеводы или головы пошлют кого наблюдать за станичниками и сторожами на урочищах и на сторожах, и посланные найдут, что они стоят небережно и неусторожливо и до урочищ не доезжают, то, хотя бы приходу воинских людей и не ждали, тех станичников и сторожей за то бить кнутом. Воеводам и головам смотреть накрепко, чтоб у сторожей лошади были добрые и ездили бы на сторожи о двух конях, чтоб можно было, увидавши неприятеля, уехать. У кого из станичников и сторожей лошади будут худы, а случится посылка скорая, и под тех сторожей велеть доправить лошадей на их головах; а если надобно вскоре и доправить некогда, то воеводам велеть брать лошадей добрых у их голов, а не будет у голов столько лошадей, то воеводам брать по оценке лошадей добрых у полчан своих, а на головах брать найму на всякую лошадь по 4 алтына с деньгою на день и отдавать деньги тем людям, у которых взяты лошади.

Ездить станицам из Путивля или Рыльска: первой станице ехать на поле с весны 1 апреля, второй – 15, третьей – 1 мая, четвертой – 15 и т. д., восьмой станице ехать 15 июля, потом в другой раз первой станице ехать 1 августа и т. д.; последний выезд 15 ноября. Если же надобно будет еще ездить станицам, снега не нападут (снеги не укинут), то станичников посылать и позднее 15 ноября по расчету; посылать по две станицы на месяц, меж станицы пропуская по две недели со днем.

Для разъездов употреблялись дети боярские, посадские люди, козаки и наемные жители Северской Украйны, или севрюки; но потом приговорили последних отставить, потому: стоят на сторожах неусторожливо, воинские люди на украйны приходят безвестно, а они того не видят, вести от них прямой никогда не бывает, а приезжают с вестями ложными. Из Путивля и Рыльска на донецких сторожах стерегли дети боярские. Путивльцы и рыляне с поместий и из денежного жалованья. Кроме донецких сторож, на ближних путивльских и рыльских, смесных и несмесных сторожах стерегли с посадков посадские люди, равно как из Новгородка Северского на смесной путивльской стороже. Из Мценска и Карачева на смесных и кесмесных сторожах стерегли дети боярские мценяне и карачевцы с поместий и из денежного жалованья. На орельских, новосильских, дедиловских, донковских, епифанских, шацких, рязских сторожах стерегли козаки с земель и из денежного жалованья. На кадомских и темниковских сторожах стерегли татары и мордва с земель Кадомских и Темниковских. На алаторских сторожах стерегли козаки. После приговорили также ставить на сторожу по шести человек сторожей вместо прежних четырех для того, чтоб им разъезжать направо и налево, переменяясь беспрестанно по два человека. Для надзора за исправностию сторожей назначены были четыре стоялые головы, которые разъезжали по всему пространству степи, от Волги до Вороны, Оскола и Донца.

В октябре 1571 года, по государеву указу, князь Воротынский с товарищами приговорили жечь степь; определили, из которых украинских городов и в какую пору, по каким местам, к которым урочищам, до каких мест, скольким станицам и по скольку человек в станице ездить на поле и жечь его. Жечь поле определено осенью, в октябре или ноябре по заморозам, как на поле трава сильно посохнет, снегов не дожидаясь, а дождавшись ведреной и сухой поры, чтоб ветер был от государевых украинских городов на польскую (степную) сторону; не зажигать травы вблизи украинских городов, вблизи лесов или лесных засек и всяких крепостей, которые наделаны от проходу воинских людей. Станицы для зажжения степи должны были выезжать из городов: Мещеры, Донкова, Дедилова, Кропивны, Новосила, Мценска, Орла, Рыльска и Путивля; пожар должен был обхватывать пространство степи от верховьев Вороны до Днепра и Десны.

В 1574 году назначен был новый начальник над сторожевою и станичною службою, боярин Никита Романович Юрьев. При новом начальнике видим перемену относительно первого срока выезда станиц: вместо 1 апреля положено сообразоваться со временем открытия весны; потом выбирать детей боярских на степную службу велено разрядным дьякам, а не воеводам по городам. По челобитью польских (степных) месячных сторожей, бояре приговорили: в Шацке, Рязском, Донкове, Епифани, Дедилове, Кропивне, Новосиле и Орле козаков, которые стерегут месячную сторожу, поместьем и денежным жалованьем поверстать: придать к старому их поместью, к 20 четвертям еще по 30 четвертей человеку; а денежного жалованья приговорили им дать в третий год по три рубля человеку для сторожевой службы, чтоб им бесконным не быть, а быть у них по два коня добрых или к коню мерин добрый. Велели послать в те города писцов, детей боярских и подьячих добрых – пересмотреть всех козаков на лицо с конями и со всею их службою: которые козаки собою худы или бесконны и в сторожевую службу их не будет, тех от сторожевой службы отставить и служить *им* козачью рядовую службу и поместной им придачи не придавать, а на их место прибрать из рядовых козаков добрых и конных. Во Мценске и Карачеве на сторожах стеречь детям боярским из тех городов с малых статей, с 50, 70 и 100 четвертей, потому что в этих городах козаков в росписи не написано; в Шацке, Новосиле и Орле в прибавку к козакам посылать детей боярских. Что касается границ станичных разъездов, то во время управления боярина Никиты Романовича путивльские станицы ездили к верховьям Тора, по Миюсу, Самаре, Арели к Днепру до Песьих Костей; тульские – ко Мжу и Коломаку на Муравский шляк (дорогу); рязанские – к Северскому Донцу и к Святым Горам, а мещерские – вниз по Дону, до Волжской перволоки.

Таково было военное устройство в Северо-Восточной России, в государстве Московском. Здесь мы видим, что значение дружины все более и более никнет пред значением государя. В России Западной, наоборот, шляхта ревниво блюдет за поддержанием старых прав своих. На виленском сейме 1547 года шляхта потребовала у короля защиты от двух сословий – духовного и мещанского (городового), просила, чтоб люди духовные на судах земских и светских не заседали и не звали б к духовному суду по светским делам; относительно мещан шляхта жаловалась, что ремесленники виленские берут непомерные цены за свои работы и надбавляют цены по произволу, от чего шляхта беднеет. Король обещал исполнить просьбу. На сейме 1551 года шляхта просила, чтоб простых холопей над шляхтою не повышать, чтоб простой холоп и шляхтич подозрительного происхождения урядов не держали. Король отвечал на это: пусть укажут, какой холоп или подозрительный шляхтич посажен мною на уряд? Потом шляхта просила, чтоб паны обходились с нею почтительно на судах и в других местах. В 1576 году браславская шляхта подала королю Стефану челобитную, чтоб королевские указы писались к ним на русском, а не на польском языке.

Мы видели характер козаков московских, т. е. живших по степям, прилегавшим к Московскому государству и признававших по имени власть последнего; такой же точно был характер и козаков литовских, или малороссийских, известных тогда в Москве под именем черкас; притом безнаказанность последних еще более была обеспечена слабостью польско-литовского правительства. Мы видели поведение козацких вождей, Дашковича, князя Дмитрия Вишневецкого, который окончил свои похождения жестокою смертью в Турции. В то самое время, как польское правительство употребляло все усилия, чтоб жить в мире с Крымом и Турциею, козаки из Черкас, Канева, Браสลавля, Винницы, собравшись в степи за Черкасами, в числе 800 и больше, под начальством старших козаков: Карпа, Андруша, Лесуна, Янка Белоуса, громили по несколько раз караваны купцов турецких и крымских, шедшие в Москву и возвращавшиеся назад; мало того, крымский гонец, ездивший от хана к королю, был убит козаками в степи. Соленики, ездившие за солью в Кочубеев (Одессу), терпели постоянно от их нападений. Напрасно король писал хану, что это разбойничают козаки их общего неприятеля московского, выходящие из Путивля, Чернигова, Новгорода Северского: крымские и турецкие купцы умели очень хорошо различать козаков московских от черкас. Атаман Андрей Лях с козаками князя Дмитрия Вишневецкого напал в степях за Самарою на московского гонца Змеева, шедшего в Крым; с Змеевым шел вместе крымский гонец и, по обычаю, турецкие купцы и армяне; козаки убили 13 человек турок и армян, а троим руки отсекли за то, что они покупают в Москве литовских пленников. Московские послы, жившие в Крыму, извещали государя о частых нападениях черкас на Крым; очень любопытно известие, присланное из Крыма в Москву послом Ржевским: «Приехал к царю крымскому с Днепра козак с вестями: на Днепр прислал московский государь к *голове*, к князю Богдану Рожинскому, и ко всем козакам днепровским с великим своим жалованьем и приказал к ним: если вам надобно в прибавку козаков, то я к вам пришлю их, сколько вам надобно, и селитру пришлю, и запас всякий, и вы должны идти весной непременно на крымские улусы и к Козлову». Голова и козаки взяли к государю крепко служить и очень обрадовались государственной милости. Хан, услышав эти вести, созвал на совет князей и мурз и стал говорить: «Если приходять козакам, то они прежде возьмут Белгород да Очаков, а мы у них за хребтом». Князья и мурзы отвечали на это: «Если придет много людей на судах, то города их не остановят; ведь козак – собака: когда и на кораблях на них приходят турецкие стрельцы, то они и тут их побивают и корабли берут!» Как в старину русские князья, нуждавшиеся в войске для своих усобиц, находили готовые дружины в степях, где толпились разноименные народцы, так теперь, в XVI веке, владельцы дунайских княжеств, Молдавии и Валахии, борясь друг с другом, искали и находили помощь у козаков. Так, один из них, Ивон, угрожаемый соперником своим, Петриллою, которого поддерживали турки, обратился с просьбою о помощи к польскому королю Генриху; тот отказал в помощи на том основании,

что Польша в мире с турками; Ивон обратился к козакам: этим не было никакой нужды, что король их в мире с турками; они пошли помогать Ивону под начальством Свирговского; сначала имели успех, но наконец были подавлены многочисленными полками турецкими. Подкова (как говорят, брат погибшего Ивона), прозванный так потому, что мог ломать подкову, нашел также убежище между козаками, вместе с ними пошел против Петриллы и одолел его; но Стефан Баторий, не желая разрывать с турками, велел брату своему, князю семиградскому, выступить против Подковы; последний должен был отступить и, понадеявшись на ручательство в безопасности, данное ему от имени королевского, отдался в руки полякам. Обещание было нарушено: Подкову заключили в оковы, и когда перед московскою войною посол турецкий настаивал, чтоб его казнили, угрожая в противном случае войною, то Баторий исполнил его требование и Подкова был казнен во Львове. Несмотря на то, брат Подковы, Александр, с козаками снова выгнал Петриллу, но попался в руки туркам, которые посадили его на кол. Потом козаки уже одни отправились против турок, сожгли крепости Ягорлик, Бендеры; Баторий велел войскам, стоявшим на границе, хватать и ковать козаков, возвращавшихся из этого похода.

Постоянное увеличение государственных потребностей в Московском государстве требовало увеличения финансовых средств для их удовлетворения. Как же поступало московское правительство в этом случае? Очень просто и, естественно, по понятиям времени: явится новая потребность, новый расход – оно налагает новую подать; отсюда это накопление разного рода податей, которые наконец начали так затруднять финансовые отправления древней России. Так явились *пищальные деньги*, которых с новгородского посада, пригородков, рядков и погостов сходило 5236 рублей. Мы видели, что ближайшие к месту военных действий области должны были выставлять на войну посошных людей; *посошные деньги* – по два рубля за человека. Для продовольствия войска с земель, находящихся в частном владении, *белых*, сбирался так называемый *белый* корм, с московской сохи – по 43 алтына без двух денег. Относительно податей и соединенных с платежом их издержек любопытны платежные отписи, например: «Я, Юшка, Мигрофанов сын, десятский, взял у спасского игумна Евфимия со братьею дань и *горностальные* деньги, и ямские, кроме дани в поминок подьячому и в Московский *покруг*, и корм Великодневный и Петровский, все сполна, и отпись ему дал». Или: «Взято ямских денег и примету столько-то: дьячих писчих пошлин столько-то; за городовые и засечные дела, за подьячих, за земского дьячка, за плотников, кузнецов; за подмогу ямским охотникам, за емчужное дело» и проч.

Кроме дани, источником дохода для правительства служили оброки: в 1543 году вологодские писцы, по слову великого князя, отдали на оброк кирилловскому игумену две великокняжеские пустоши черные, потому что эти пустоши находятся между монастырских деревень, а от великокняжеских деревень отошли; с этих пустошей, сказано в грамоте, великому князю не надобны ни дань, ни посошная служба, ни наместничьи кормы, ни тиунские, ни праветчиковские, ни доводчиковские пошрины, и с черными людьми не тянут они ни во что; а дает монастырь с этих пустошей великому князю оброк ежегодно по десяти алтын. Отдавались на оброк пашни, сенокосы, леса, реки, мельницы, огороды; отдавались эти статьи на оброк из *наддачи*, тому, кто надавал против оброчной цены, платимой прежним содержателем. Правительство спешило пользоваться наместничьими доходами в то время, когда старый наместник выезжал из города, а новый еще не был назначен; так, в 1555 году, когда наместник князь Палецкий выехал из Новгорода, царь писал дьякам: «Сей час же выберите из городничих или из решеточных приказчиков сына боярского доброго, кому пригоже и можно верить, и велите ему ту половину Новгорода, наместничьи и его пошлинных людей всякие доходы ведать на меня и приведите его к присяге, и надзирайте над ним, чтоб нашим доходам истери не было». Как сбирались подати, видно из царской грамоты к новгородским дьякам 1556 года: «Вы писали к нам, что велено во все пятины разослать грамоты, чтоб князья, дети боярские и все служивые

люди, игумены, попы, дьяконы, старосты, сотские, пятидесятские, десятские и все крестьяне выбрали из пятин по сыну боярскому доброму, да из пятин же выбрали человека по три по четыре лучших людей, да из погоста по человеку, а из малых погостов из двух или из трех по человеку: а велено тем старостам выборным собирать наши ямские и приметные деньги, и за посошных людей, и за емчужное дело и всякие подати по писцовым книгам и привозить к вам в Новгород».

Мы рассмотрели в своем месте устав откупщикам тамги и пятна на Белоозере, данный Иоанном III; при Иоанне IV, в 1551 году, дана была туда же на Белоозере таможенная грамота, которая относительно сбора тамги ничем не рознится от грамоты Иоанна III; но в ней прибавлен устав о сборе померной и дворовой пошлыны: померное брать со пшеницы, ржи, ячменя, солоду, конопель, гречи, гороху, заспы толокна, репы и со всякого жита, с хмелю, также с рыбы сухой, и с вандышев и с хохолков – брать с продавца с четырех четвертей деньга, а тамги с жита и сухой рыбы не брать. А кто продаст всякого жита воза два или три без меры или кто купит не в их пятенную меру, то с него заповеди два рубля: рубль – наместнику и рубль – померщикам; а кто продаст всякого жита четыре четверти московских или кто станет покупать и продавать не в их пятенную меру, то с него заповеди рубль: полтина – наместнику и полтина – померщикам. Дворовая пошлына на гостиных дворах: кто приедет товару купить на гостинном дворе, дворники берут поворотной с тысячи белки шувайской или устюжской по 4 деньги с тысячи, а с кляземской белки – по 2 деньги с тысячи; с сорока соболей берут по тому ж расчету, как и с белки шувайской, с куницы с сорока по деньге; с десяти бобров берут по тому ж расчету, как с 1000 белки шувайской, с постова сукна ипского или лунского – по три деньги, а с новогонского и трекунского – по деньге, с меду с кади от 7 до 10 пудов – по деньге, будет кадь меньше семи пуд, и они берут по расчету; кто купит перцу больше рубля или меньше, берут по тому ж расчету; с бочки сельдей – по деньге, с лука икры – по деньге, с бочки слив – по полуденьге, с круга воску – по 4 деньги, с стопы бумаги – по полуденьге. Кто приедет на Белоозере с мясом или с каким-нибудь товаром, а на гостинном дворе не станет, станет у кого-нибудь и дворники уличат его пред наместником, что стал не на гостинном дворе, у них не просясь, то наместник, обыскав, берет на себя заповеди полполтины на том, у кого во дворе тот купец стал, а с купца взять дворникам полполтины же, на нем же наместничью приставу взять хоженного четыре деньги. Кто привезет товару ценою меньше двух рублей, станет прямо на торгу и ночует тут, с того дворникам не брать ничего; кто привезет товару больше (кажется, должно читать *меньше*), чем на два рубля, и станет на чьем-нибудь дворе, а не на гостинном, то дворникам брать у него поворотное, смотря по товару: с амбарного брать на неделю по четыре деньги. Кто не поедет с возами на гостинный двор стоять, а товару будет у него больше двух рублей, то дворники ставят его на гостинном дворе; если же не послушает дворников, не поедет к ним, то дворники ставят его у себя за наместничьим приставом, который берет хоженного по четыре деньги.

В таможенной грамоте, данной в 1563 году в принадлежавшее Симонову монастырю село Вельегонское, в Городецком стану Бежецкого Верха, с иногородных купцов, московских, тверских, новгородских и псковских, велено брать тамги с рубля по четыре деньги; с людей своего уезда – с рубля по полторы деньги; если торговые люди приедут рекою Мологою в судах, то с товару тамга берется с них по таможенной грамоте, а с судна брать с полубленного и неполубленного, с набои, прикольного и поводцового по алтыну, а со струга – по три деньги. Если же приедет в село Весь рязанец или казанец, или какой-нибудь другой иноземец, то у них брать с рубля по семи денег. Тамга и все таможенные пошлыны (то есть пятно, померное и проч.) в селе Веси отдавались на откуп бежичанам, городецким посадским людям и сельским крестьянам; но в 1563 году Симонов монастырь, жалуюсь, что от этого его людям и крестьянам чинятся обиды и продажи великие, выпросил откуп себе, обязавшись платить ежегодно по 38 рублей, впрок, без наддачи.

В 1571 году дана была таможенная новгородская грамота о сборе, пошлин на Торговой стороне, в государевой опричнине. И здесь, как в предыдущих грамотах, начиная с грамоты новгородского князя Всеволода церкви св. Иоанна на Опоках, новгородцу дается преимущество пред пригородскими людьми Новгородской земли и сельскими людьми, также пред жителями других областей: новгородец платил тамги с рубля московского по полторы московки, остальные все – по четыре московки; но если приедут новгородцы с Софийской стороны с товаром в государеву опричнину, на Торговую сторону, то платят пошлины наравне с пригородскими и волостными людьми Новгородской земли. Новгородские мясники не смели покупать коров на дорогах *у нутников* (погонщиков), нутники должны были гнать коров на продажу в Новгород или же к Ивану святому на Опоке; кто же за городом или на дороге купит коров, на том заповеди – половина на купце и половина на продавце. При вывозе товаров из Новгорода новгородскими городецкими людьми, по взятии тамги, таможенники давали *узолки* за свою печатью. Мы видели, что новгородский князь Всеволод Мстиславич дал церкви св. Иоанна на Опоках вес вощаной. В описываемое время по-прежнему весили товар у Ивана св., но пошлины, как видно, шли прямо в казну царскую; в грамоте Иоанна IV читаем: воск, мед, олово, свинец, квасцы, ладон, темьян весить по старине, на крюк, у Ивана св. под церковью, на Пятрятине дворище, а таможникам в это не вступаться. Далее грамота говорит: без весу меду, икры и соли не продавать; а кто продаст или купит какой-нибудь весный товар без весу на рубль или больше рубля, то на них заповеди рубль новгородский, половина – на купце, а другая – на продавце; если покупка меньше рубля, то заповеди брать столько же, на сколько продано товару; если же меньше пяти алтын, то пудовщики весчего и заповеди не берут. Пуда у себя никто не смеет держать, а кого в том уличат, тот платит заповеди два рубля. Брать тамгу, пуд и все пошлины с товаров царских, митрополичьих, владычных, наместничьих, боярских, с сельчан царских, митрополичьих, владычных, монастырских, боярских, с грамотчиков и со всех без исключения. Если купцы иноземные привезут бархаты, камки, всякое узорочье, лошадей, то эти товары не прежде, пускать в продажу, как после выбора из них пригодных государю. Таможники должны беречь накрепко, чтоб всякие торговые люди и иноземцы не вывозили из Новгорода в Литву и к немцам денег, серебра и золота, сосудов, пуговиц, серебряных и золотых, в сундуках, коробьях и ящиках. Таможеники же должны были брать *поплашную* пошлину по берегам реки Волхова, с судов и плотов, с плавного весу. Тамга и все таможенные пошлины собирались гостями и купцами московскими и новгородскими на веру, в котором году кого в головы поставят и целовальников выберут наместники новгородские и дьяк. В 1577 году дана была грамота целовальникам на Торговой стороне, как им брать пошлину с дворов гостиных и лавок: брать у гостей за один амбар на неделю, если гостей много, по три деньги, если мало, то по две, а иногда и по одной; за избу особый наем. Поворотная пошлина в Новгороде дворниками не бралась; целовальники должны были жить на гостиных дворах, но жен не могли на них держать. Тамга и весчая пошлина у Ивана св. на Опоках отдавалась на откуп; в 1556 году откупщики весчей пошлины отказались, потому что воск и сало перестали идти к немцам и они не могли набрать откупной суммы, за что стояли на правеже; тогда царь велел дьякам выбрать людей (не определено каких) и поручить им сбор весчей пошлины с тем, чтоб они собрали в год ту же самую сумму, какую прежде платили откупщики, именно 233 рубля 13 алтын, а если соберут больше, то царь их пожалует; что же будет с ними, если соберут меньше, не сказано.

В таможенной орешковской грамоте перечисляются пошлины: тамга, пуд, полавочное, поземь, носовое с судов (с носа на судне), явка, помер, оброк с домниц и с горнов, в которых дмут железо, и с кузниц. Мы видели в таможенной новгородской грамоте приказ брать пошлины со всех товаров, чьи бы они ни были; то же стремление к уничтожению льгот относительно взимания торговых пошлин видим в царской грамоте дмитровским таможным откупщикам 1549 года. Эти откупщики били челом, что приезжают в Дмитров и на Кимру и в село Рогачево из царских подклетных сел, из Переяславля, из царицыной Мироносицкой сло-

боды, митрополичьи, владычни, княжие, боярские, монастырские и другие крестьяне, смоленские *сведенцы*, *паны* московские, бараши, огородники, торгуют всяким товаром, а пошлины не платят, говорят, что у них царские грамоты жалованные, тарханные, освобождающие их от платежа таможенных пошлин. Царь отвечал: я ныне все свои жалованные грамоты тарханные в таможенных и померных пошлинах уничтожил, кроме монастырских: Троицкого Сергиева монастыря, Соловецкого, Новодевичьего и Кириллова, да Воробьевской слободы. Наконец, мы должны упомянуть о новой мере (осмине), введенной в 1550 году; как она вводилась, видно из царской грамоты на Двину, старостам, сотским, целовальникам, лучшим, средним и младшим сельским людям: «Послал я к вам на Двину меру медную, новую: и когда к вам эту новую медную меру привезут, то вы, все земские люди, сделайте с нее перед собою спуски новые деревянные и велите, перед собою, на всех этих деревянных спусках положить по пятну, и отдайте их померщикам, *чтоб* они давали мерить ими всем людям всякое жито; а мерили бы купцы и продавцы и всякие люди в те новые меры ровно, без верху. Того берегите накрепко и в торгу велите не по одно утро кликать, *чтоб* все люди жито мерили новыми мерами; а кого уличат, что он мерил в старую меру, с того возьмите заповеди два рубля; уличат его в другой раз, возьмите четыре рубля; уличат в третий раз, возьмите с него втрое, да киньте его в тюрьму до нашего указа; а заповедные деньги пришлите в Москву».

В Литве места королевские платили: с волока земли первого разряда цыншу – 50 грошей, среднего – 40, низшего – 30 и с всякой толоки (нови) – по 12 грошей; с домов – на рынке с прута по 7 пенязей, а в улицах – от прута по 5 пенязей, с огорода – по 2, с гуменных мест на предместье от прута – 1 пенязь, а от морга – 3 гроша; копщизна: от меду – копа грошей, от пива – копа грошей, от горелки – 30 грошей. С мясников ежегодно бралось в казну за камень (32 фунта) сала по 15 грошей, а уряду в торговый день платилось особо деньгами от каждой скотины за лопатку. Пришлые в городе люди (коморники) платят ежегодно по 2 гроша в казну. С волоки сельской доброй земли крестьяне платили в королевских имениях цыншу – 21 грош, средний – 12, дурной – 8, самой дурной (песчаной или болотистой) – 6, овса с хорошей и посредственной волоки – по две бочки, с худой – одна бочка, или 5 грошей за бочку, да за отвоз каждой бочки – пять грошей; потом с каждой волоки – по возу сена, или по три гроша, за отвоз – 2 гроша; с волоки очень дурной земли сена и овса не давалось; кроме того, был побор гусями, курами, яйцами. Волока равнялась 19 русским десятинам; грош литовский равнялся пяти копейкам серебром.

Еще в малолетство Грозного, во время боярского правления, мы видели новое важное явление в жизни городского и сельского населения: после наместников, волостелей и тиунов их является новая власть иного происхождения: жители городские и сельские получают от правительства позволение сами, независимо от наместников и волостелей, ловить, судить и казнить воров и разбойников, для чего должны ставить себе в головах детей боярских, человека три или четыре в волости, присоединяя к ним старост, десятских и лучших людей; эти выборные старшины называются иногда прикащиками, иногда – выборными головами, губными старостами, иногда жители города должны были поставлять между собою десятских, пятидесятских и сотских для наблюдения за лихими людьми; заметивши подозрительного человека, должно было приводить его к городскому прикащику и с ним вместе обыскивать; при пытке должны были присутствовать также дворский, целовальники и лучшие люди. Отношения наместников, волостелей и тиунов их к губным старостам определяются так: «Поймают татя в первой татбе, то доправит на нем истцевы иски, а в продаже он наместнику, и волостелям, и их тиунам; как скоро наместники, волостели и их тиуны продажу свою на тате возьмут, то вы, старосты губные, велите его бить кнутом, и потом выбить из земли вон».

Псковский летописец смотрит на губные грамоты как на направленные против наместников, вызванные злоупотреблениями последних; в губных грамотах, дошедших до нас от времени малолетства Иоанна IV, еще нет жалоб на наместников: «Мы к вам посылали обыщиков

своих; но вы жалуетесь, что от наших обыщиков и неделщиков большие вам убытки, и вы с нашими обыщиками лихих людей разбойников не ловите, потому что вам волокита большая». Из дошедших до нас грамот жалоба на наместников и тиунов их встречается впервые в 1552 году, в просьбе важан: «Важане, шенкурцы и Вельского стана посадские люди и всего Важского уезда становые и волостные крестьяне били челом и скатывали, что у них на посадах многие дворы, а в станах и волостях многие деревни запустели от прежних важских наместников, от их тиунов, доводчиков, обыскных грамот, от лихих людей, татей, разбойников, костарей; что важского наместника и пошлинных людей впредь прокормить им нельзя; и от того у них в станах и волостях многие деревни запустели; крестьяне у них от того насильства, продаж, татей с посадков разошлись по иным городам, а из станов и волостей крестьяне разошлись в монастыри бессрочно и без отказа, а иные разбрелись безвестно кой-куда; на оставшихся посадских людях и крестьянах наместники и тиуны их берут свой корм, а праветчики и доводчики свой побор сполна, и посадским людям и крестьянам впредь от наместников и от их пошлинных людей, от продаж, всяких податей тянуть сполна нельзя. И государь бы пожаловал, наместника и тиунов отставил, и велел бы управу чинить во всяких земских делах по судебнику выборным лучшим людям, кого они, все важане и шенкурцы, посадские люди и крестьяне, излюбили. Пошлин излюбленным головам со всяких управных дел и разбойных не брать; а за все наместничьи и тиунские пошлины, за все поборы и доходы, кроме государевых оброков, велеть на них положить оброк деньгами 1500 рублей ежегодно». Царь исполнил просьбу, велел быть у них *излюбленным головам*; оброк 1500 рублей разводить посадским людям, лучшим, средним и молодым, самим между собою, по животам и промыслам, а крестьянам, лучшим, средним и молодым, разводить по пашням, животам и сохам. Оброк привозят в Москву излюбленные головы, переменяясь по половинам, а с ними лучшие люди, не дожидаясь пристава; приехав в Москву с оброком, посулов и поминков не дают они никому ничего; если же не привезут оброка в срок, то царь посылает за ними приставов и доправливает оброки вдвое с ездом. Они должны прибрать также земских дьяков, кто б им в земские дьяки люб был; дьяки эти должны писать всякие дела излюбленных голов. Эта жалованная грамота называется откупною, ибо 1500 рублей, вносимые ежегодно, называются наместничьим откупом.

В уставной грамоте крестьянам устюжских волостей 1555 года говорится уже о беспрепятственных жалобах городского и сельского народонаселения на наместников и волостелей, равно как о жалобах наместников и волостелей на горожан и сельчан, и о замещении наместников и волостелей излюбленными старостами говорится как об общей мере, вследствие этих жалоб предпринятой: «Прежде, – говорит царь, – мы жаловали бояр своих, князей и детей боярских, давали города и волости им в кормленья; и нам от крестьян челобитья великие и доука беспрепятственная, что наместники наши и волостели, праветчики и их пошлинные люди, сверх нашего указного жалованья, чинят им продажи и убытки великие; а от наместников, волостелей, праветчиков и их пошлинных людей нам доуки и челобитья многия, что посадские и волостные люди им под суд и на поруки не даются, кормов им не платят и их бьют: от того между ними поклепы и тяжбы великие; от того на посадах многие крестьянские дворы, в уездах деревни и дворы позапустели, и наши дани и оброки сходятся не сполна. И мы, жалую крестьянство, для тех великих продаж и убытков, наместников, волостелей и праветчиков от городов и волостей отставили; а за доходы их, пошлины и присуд велели посадских и волостных крестьян пооброчить деньгами; и велели во всех городах, станах и волостях постановить старост излюбленных, которым между крестьянами управу чинить, наместничьи, волостелины и праветчиковы доходы собирать и к нам на срок привозить, которых себе крестьяне между собою излюбят и выберут всею землею, от которых бы им продаж и убытков и обиды не было, которые умели бы их рассудить вправду беспосульно и безволокиито, и за наместничий доход оброк собрать умели бы и к нашей казне на срок привозили бы без недобору». В следующем, 1556 году дано было право двинянам вместо наместников выбрать излюбленных голов, которые тут же назы-

ваются выборными судьями. Эти выборные судьи на Колмогорах на посаде, в станах и волостях должны были выбрать сотских, пятидесятских и десятских, которые были бы добры и прямы и всем крестьянам любы, и велеть им беречь накрепко, чтоб лихих людей не было.

Несмотря на то что замещение наместников и волостелей выборными от горожан и сельчан властями представлено в одной из приведенных грамот как общая мера, мы видим, что не во всех волостях произошло это изменение. Чтоб объяснить себе явление, мы должны припомнить, что грамоты, которыми волостям давалось право управляться своими выборными властями, назывались *откупными*; волость известною суммою, вносимую в казну, откупалась от наместников и волостелей; правительство давало ей право откупаться вследствие ее просьбы; если же она не была челом, считала для себя невыгодным новый порядок вещей, то оставалась при старом. Почему волость не решалась на перемену? На это могли быть разные причины. Мы знаем, как везде при неразвитости гражданских понятий кажется тяжким исполнение общественных обязанностей, как стараются избегать общественных должностей, общественных поручений, как трудно найти людей, которые бы взялись исполнять их и надлежащим образом исполняли. Волость избирала людей, которые не только должны были посвятить свое время управлению и суду, но также обязаны были отвозить откупную сумму в Москву, спешить из далеких мест к сроку, а в противном случае подвергались взысканию. Нет ничего удивительного, если некоторые волости не могли удовлетворить новым требованиям и предпочли оставаться при старом. В 1577 году мы встречаем пожалование наместничества в кормление, дана была грамота князю Морткину на город Карачев в кормление, со всем по тому, как было за прежними наместниками: «И вы, все люди того города, чтите его и слушайте, а он вас ведает и судит и ходит у вас во всем по доходному списку, как было при прежних наместниках». Мы видели в Перми наместника в 1581 году, видели, однако, подозрительность, какую обнаружил царь относительно его: «Людей обирали бы пермские и усольские люди сами между собою, чтоб им при сборе от тебя убытка не было». Кроме кормления, для содержания наместника назначались еще деревни. В пограничных, важных по своему военному положению, городах видим воевод. В 1555 году князь Дмитрий Палецкий в Новгороде называется и воеводою и наместником; потом, как видно, в Новгороде был воевода при наместнике и считался выше последнего; но в наказе архиепископу казанскому Гурию видим, что наместник считался честнее воевод. В 1581 году свияжский воевода Сабуров был переведен воеводою же в Казань, причем послана была к нему такая грамота: мы велели быть на нашей службе в Свияжеке на твое место воеводе князю Петру Буйносову-Ростовскому, а тебе велели быть в воеводах в Казани с князем Григорием Булгаковым с товарищи да с дьяком Михайлою Битяговским, вместе заодно. И ты бы сдал город князю Ростовскому, сдай, переписавши наряд, пушки и пищали, в казне зелье и свинец и всякий пушечный запас, наши прежние наказы и присыльные грамоты и всякие наши дела. Приехавши в Казань, был бы ты на нашей службе в остроге, по-прежнему, и списки детей боярских, своих полчан, которые были прежде у тебя в полку, взял бы у воеводы князя Булгакова, и был бы на нашей службе в Казани в городе и в остроге и детей боярских своих полчан ведал, и всякими нашими делами промышлял; а с воеводою князем Булгаковым с товарищи и с дьяком Битяговским был бы без мест, а розни у вас не было бы ни в чем.

В этом наказе замечательны слова, что воевода Сабуров должен быть вместе заодно с воеводою князем Булгаковым и с дьяком Битяговским, чтоб был без мест с воеводою князем Булгаковым и дьяком Битяговским. Мы видели, что значение дьяков при дворе и в областном управлении очень усилилось еще при отце Грозного, и мы видели причины, по которым оно не могло ослабеть при самом Грозном. Курбский говорит, что Иоанн вполне доверял дьякам своим, которых избирал из поповичей или из простого всенародства, и поступал так, ненавидя вельмож своих; другой отъезжник, Тетерин, писал к Морозову: «Есть у великого князя новые доверенные люди (верники) дьяки, которые его половиною кормят, а большую себе берут, которых отцы вашим отцам в холопство не годились, а теперь не только землею владеют, но и

головами вашими торгуют». Псковский летописец не перестает указывать на важное значение дьяка в городском управлении; так, под 1534 годом он говорит: дьяка Колтырю Ракова свел князь великий на Москву, и была псковичам радость, потому что он многие пошлины во Пскове уставил. Об отношении дьяков к воеводам говорится в царской грамоте 1555 года к новгородским дьякам Еремееву и Дубровскому: «Велели мы боярам своим и воеводам, князю Петру Михайловичу Щенятеву и князю Дмитрию Федоровичу Палецкому, быть для нашего дела в Великом Новгороде. И которые наши дела у бояр наших будут, и вы бы те дела делали и в наших делах их слушали». Но тут же видим, что при всех внутренних распоряжениях царь обращается прямо к дьякам, а при внешних сношениях, например при допущении дерптских немцев торговать в Новгороде и Пскове, царь обращается к наместнику князю Палецкому и дьякам Еремееву и Дубровскому; к наместнику обращается также в делах судных и при распоряжениях относительно войска. В конце 1555 года, когда наместник новгородский князь Дмитрий Палецкий отправился в поход против шведов, царское жалованье, Новгород, отказал и людей своих свел, царь велел дьякам Еремееву и Дубровскому выбрать тиуна и приказать ему судить всякие наместничьи дела, также выбрать недельщиков; потом царь писал к ним: «Теперь мы послали в Великий Новгород Ивана Ивановича Жулебина, велели ему, да вам, дьякам нашим, дела наши земские делать, которые делали прежние наместники. Которых дел тиунам нельзя будет решить, те решайте вы с Иваном; а которых и вам нельзя будет решить, те пересылайте к нам». Жулебин не носил никакого особенного названия; во всех грамотах царь продолжает по-прежнему обращаться к одним дьякам; к Жулебину обращается он только раз, когда дело шло о внешних сношениях, именно о пересылке грамоты к шведскому королю; эта грамота пересылалась от имени новгородского наместника, князя Глинского; но из слов грамоты можно заключить, что Глинский в это время еще не приезжал в Новгород.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.